

А. А. Васильев*

СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ И АКТУАЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОЙ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПРАВОВОЙ ИДЕОЛОГИИ

Анализируется концепция консервативной стабилизации в отечественной консервативной мысли. Автор раскрывает предпосылки появления и идеологического осмысления курса консервативной стабилизации в Российской империи. Он называет сильные и слабые стороны указанного курса и предлагает учесть положительный опыт его реализации в условиях кризиса в современной России.

Ключевые слова: консерватизм, стабильность, охранительство, право, Российская империя, традиция

Пожалуй, одной из самых важных заслуг отечественной консервативной государственно-правовой идеологии можно признать разработку и реализацию концепции консервативной стабилизации.

Зачатки концепции можно обнаружить еще в идеологии консервативной партии начала XIX в. Тогда благодаря усилиям А. С. Шишкова, Н. М. Карамзина, Ф. В. Ростопчина и других мыслителей российское общество отказалось от галломании, национальное сознание было подготовлено к борьбе с наполеоновской Францией и прекратились намечавшиеся Александром I либеральные преобразования, направленные на создание представительного учреждения и проведения в жизнь принципа разделения властей. Как отмечает А. Ю. Минаков, «политическая роль русского консерватизма первой четверти XIX в. заключается в том, что он способствовал блокированию попыток коренных преобразований, принятых верховной властью: введение конституции, освобождение крестьян и реформирование религиозной сферы. Одновременно консервативно-националистические идеология и настроения объективно стали необходимым условием для победы в Отечественной войне 1812 г. и преодоления галломании части дворянского общества»¹. В юридическом плане консервативная стабилизация выразилась в противодействии введению конституции по западному образцу, ограничению самодержавной власти и заимствованию источников европейского права, прежде всего положений Кодекса Наполеона.

Несмотря на очевидное превосходство в 1812–1825 гг. консервативной идеологии, либерализм Александра I так и не был преодолен вплоть до 1825 г. Собственно консервативная стабилизация стала частью государственной идеологии только после коронации Николая I. Причем значительную роль в охранительном курсе правительства сыграли не столько консервативные убеждения императора,

* Кандидат юридических наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул).

¹ Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX в. Воронеж, 2011. С. 463.

сколько деятельность революционных организаций, в частности декабристов. По существу, идея борьбы с опасной для стабильной жизни идеологией революционных и либеральных течений и стала одной из основ концепции консервативной стабилизации. При этом правление Николая I нельзя назвать реакционным, поскольку государство в условиях стабилизации общественно-политической ситуации само стремилось к проведению назревших преобразований. Ведущей ролью в деле стабилизации политической сферы наделялся закон. Именно Николай I завершил формирование строго легальных оснований для самодержавной власти и деятельности правительственных учреждений. Закон в понимании императора был прочным основанием для поддержания порядка, дисциплины и организованности общественной жизни.

В исторической литературе царствование Николая I все чаще получает позитивную оценку, хотя ранее оно рассматривалось преимущественно как реакционное. Так, С. В. Кодан говорит о том, что Николай I использовал охранительные средства управления в целях стабилизации политического состояния общества, стремился удержать общество от дезорганизации и революционных потрясений. Как справедливо отмечает исследователь, «в отличие от обязательного и имманентно присущего для идеологии консерватизма сохранения устоев социально-политической системы в стране, само охранительство как политическая ориентация и охранительная политика верховной власти как деятельность по сохранению сложившихся социально-политических устоев страны нашли выражение в подавлении оппозиции на организационном и индивидуальном уровнях, стремлении обеспечить изоляцию общества и перекрыть каналы проникновения взглядов и идей, чуждых официальной идеологии правления, в использовании цензуры и официальной печати в обеспечении соответствующей направленности общественного мнения и легитимации в сознании подданных личности и политики верховного правителя – российского императора. Охранительство становится политическим и управленческим средством реализации консервативно-охранительного политического курса правления и позволяет говорить о его консервативно-охранительной направленности. При этом, говоря о целях консервативно-охранительного политического курса правления Николая I, необходимо учитывать, что и в нем присутствует собственное видение пути развития страны через консервативную стабилизацию внутривластного состояния. Эта модель политики правительственного реформизма („для сохранения“) определяется как охранительная (преактивная)»¹.

Концепция консервативной стабилизации окончательно оформилась в период охранительного курса Александра III под влиянием национально-патриотических взглядов самого правителя, представителей консервативной бюрократии и таких мыслителей, как К. П. Победоносцев, М. Н. Катков, В. П. Мещерский, К. Н. Леонтьев и др. В практическом плане идеология консервативной стабилизации позволила в 1880–1890-е гг. устранить проблему революционного террора и провести ряд реформ, смягчающих последствия кризиса периода модернизации в России. В итоге страну миновала угроза дезорганизации и революции. Продуманная, прагматичная и национально ориентированная политика того времени обеспечила стабильное и преемственное развитие России.

В последнее время в исторической и юридической литературе все чаще звучат суждения о необходимости переосмысления политики Александра III, традици-

---

¹ Кодан С. В. Юридическая политика Российского государства в 1800–1850-е гг.: деятели, идеи, институты. Екатеринбург, 2005. С. 81.

онно считавшейся реакционной и губительной. Так называемые контрреформы предлагается воспринимать не как «откат» в дореформенное время, а как охранительные средства стабилизации политической ситуации и смягчения отрицательных последствий великих реформ. Так, Н. Ф. Гриценко, Б. Н. Миронов, А. Н. Боханов и Н. И. Биюшкина утверждают, что политика Александра III и его консервативного окружения не отменяла реформы Александра II, а устраняла кризисные последствия их введения. Земская и городская реформы создали противоречия между государством и местным самоуправлением и внутри самого местного самоуправления. Суд присяжных показал опасность участия в судебном процессе малограмотных и внушаемых крестьян, на которых адвокаты без труда могли оказать влияние. Явно опережали свое время идеи об ограничении императорской власти и учреждении парламента. По существу, в этот период происходили приспособление реформ к реалиям жизни и снижение политической нестабильности после кризиса в аграрной и социально-политической сферах.

Нельзя не видеть тех проблем (угроза терроризма, дезорганизация, кризис в аграрной сфере), которые в царствование Александра III требовали исключительных мер политики и юридической реакции. Как верно отмечает Н. И. Биюшкина, «император Александр III принял правление дестабилизированным государством, которое было ввергнуто в пучину терроризма. Законодательные меры исключительного характера, проводимые российским правительством, привели к положительным результатам вопреки негативным прогнозам либеральной общественности. Процесс восстановления законности и правопорядка, происходивший в исторически короткий срок в Российском государстве, заслуживает пристального внимания и глубокого всестороннего изучения»¹.

В любом случае власть и консерваторы стремились в первую очередь удержать под контролем общество, не допустить дезорганизацию и дерегуляцию, а не только сохранить власть и защитить интересы дворянства. Б. Н. Миронов точно отметил: «Торможение реформаторского процесса в либеральном направлении, наступавшее в 1825–1855 гг. или в 1880–1890-е гг., вызывалось объективной опасностью потерять контроль со стороны верховной власти над ситуацией в стране. Это особенно наглядно видно в контрреформах 1880–1890-х гг., которые, как правило, рассматриваются исключительно как стремление верховной власти отменить или по крайней мере сузить либеральное значение великих реформ. Между тем в них имелся и второй аспект – более органичное и рациональное по своей сути приспособление новых учреждений и институтов, созданных реформами, к традиционным институтам, к потребностям всего общества, а не только его малочисленной образованной части»².

Сущность концепции консервативной стабилизации состоит в следующем.

1. Необходимость консервативной стабилизации возникает в условиях нарастания дерегуляции, дезорганизации управления и общественной жизни, в годы политического кризиса, когда волна либеральных реформ, модернизации или угроза социалистической революции, а то и анархического бунта ставят вопрос о существовании российской цивилизации.

2. «Волновое» действие консервативной стабилизации можно наблюдать после периода либерализации жизни. Консерватизм сменяет либерализм, после волны

¹ Биюшкина Н. И. Политико-правовое развитие Российского государства в условиях охранительного внутриполитического курса (1870–1890-е гг.). М., 2015. С. 4.

² Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб., 1999. Т. 2. С. 227.

реформ и дестабилизации накатывает волна консервации, стабилизации жизни, устранения или смягчения причин кризиса в системе управления обществом. По словам Б. Н. Миронова, «если бы получившая распространение в последнее время схема реформы-контрреформы, которую было бы правильно назвать концепцией маятника, была состоятельна, то Россия „бежала“ бы на месте. Между тем, как мы видели, российское общество непрерывно развивалось, в том числе и в царствования, которые принято называть консервативными: в эпоху дворцовых переворотов, при Николае I и Александре III, не говоря уже о Николае II. В так называемые консервативные царствования, следовавшие после радикальных, системных петровских и великих реформ, произошедшие изменения как бы переваривались, усваивались, происходила скрытая подготовка к следующему циклу социальных изменений. Это была необходимая пауза перед новым движением»¹.

3. Консервативная стабилизация направлена не на возврат к прошлым политико-правовым формам и институтам, а на нейтрализацию факторов, оказывающих деструктивное воздействие на цивилизацию, экономику, государственность и право.

4. Концепция консервативной стабилизации основывается на идее о постепенном, эволюционном, а не скачкообразном и революционном развитии, но при этом и не отвергает реформы (но только те, которые обусловлены практическими потребностями, а не доктринерскими теориями). Говоря о курсе консервативной стабилизации Александра III, А. Н. Боханов точно отметил: «На самом деле никакой консервации „негатива“ при Александре Александровиче не наблюдалось. Смысл и направление политики были совсем иными: неустанно, но лишь постепенно, шаг за шагом, без резких кренов и рывков преодолевать отсталость и несуразности. Внутренний (как и внешний) курс России этого периода можно с полным правом обозначить как „спокойную политику“. Никакого „анабиоза“ социальной, экономической, культурной жизни в империи не наблюдалось»².

5. Консервативная стабилизация зиждется на постулате о развитии за счет собственных национальных государственно-правовых и культурных традиций без оглядки на европейский политико-правовой опыт.

6. В юридической плоскости консервативная стабилизация проявляется в использовании экстраординарных средств правового регулирования.

Центральным пунктом концепции консервативной стабилизации выступает идея о сильном государстве и незыблемости самодержавия. На централизованную власть возлагается ведущая роль в противостоянии деструктивным силам, организации правопорядка и экономическом развитии страны. Именно государство в России традиционно выполняло как модернизирующую, так и «консервирующую» функции. Последовательная смена модернизации (либерализации) консерватизмом прослеживается в периоды царствования Александра I (либеральные проекты М. М. Сперанского), Николая I (противодействие революционным течениям, концепция «официальной народности» С. С. Уварова), Александра II (отмена крепостного права, судебная, городская и земская реформы, подготовка проекта созыва Земского собора) и Александра III (охранительный курс противостояния террору и революционным организациям, централизация власти, обеспечение правопорядка и законности).

Таким образом, очевидно наличие волн в развитии государства, эффекта маятника или качелей – от модернизации к стабилизации, от либерализма к консерва-

¹ *Миронов Б. Н.* Указ. соч. С. 229.

² *Боханов А. Н.* Император Александр III. М., 2009. С. 425.

тизму. В противном случае Россия либо вовсе не двигалась бы вперед, либо регулярно впадала бы в крайности – анархию, дезорганизацию, аномию. Взвешенное сочетание реформ и стабилизации обеспечивало гармоничное и эволюционное развитие России без скачков, революций и закоснелой реакции, консервации отживших порядков и отрицательных сторон жизни.

Позитивное значение консервативной стабилизации имеет фактическое подтверждение. Так, исследования Б. Н. Миронова показывают, что в период консервативной стабилизации при Николае I, Александре III, Николае II непрерывно возрастало благосостояние населения Российской империи (вывод сделан на основе данных об увеличении роста подданных и соответственно улучшении их питания). Сведения о преступности в период Российской империи также доказывают общую закономерность: «Абсолютное число зафиксированных преступлений с 1803–1808 гг. по 1911–1913 гг. возросло почти в 12 раз, но с учетом роста населения – в 2,9 раза. В течение изучаемого времени уровень преступности изменялся: до отмены крепостного права он имел тенденцию к снижению, а после эмансипации – к повышению. Индекс преступности в 1851–1860 гг. составлял 95 % от уровня начала XIX в., а в 1911–1913 – 305 % от уровня 1851–1860 гг. В пореформенный период преступность непрерывно возрастала, с одной остановкой в 1890-х гг. Ни до, ни после эмансипации преступность не изменялась линейно. Она возрастала в либеральное царствование Александра I, уменьшалась при консервативном правлении Николая I, затем вновь, но на этот раз весьма значительно – в 2,7 раза, возросла в реформаторскую эпоху Александра II, затем уменьшилась при консервативном царствовании Александра III и вновь выросла на 55 % при противоречивом и неустойчивом правительственном курсе Николая II... Как явствуют различные показатели преступности, чем жестче был император, чем консервативнее было царствование, чем тверже проводилась соответствующая внутренняя политика, тем ниже была преступность...»¹.

Н. И. Биюшкина на основе изучения политики Александра III, направленной на выявление и пресечение революционной деятельности, приходит к выводу, что революционная угроза в тот период была полностью нейтрализована. Тем самым власть доказывала свою эффективность и способность обеспечить правопорядок, защиту государства и общества от актов террора. Более того, суровые меры против терроризма, предпринятые и Александром III, и Николаем II, можно объяснить с точки зрения необходимой обороны – самозащиты общества и государства.

Интересно, что даже в исследованиях, критически оценивающих правительственный курс на рубеже XIX–XX вв., признается действенность репрессивных мер государства для снижения революционной активности, их периодическая неизбежность. Так, О. В. Будницкий, хотя в целом негативно характеризует опыт борьбы самодержавия с терроризмом, поскольку осуждает провокации, жесткость репрессий, учреждение военно-полевых судов, тем не менее указывает, что террор в последней трети XIX в. не находил понимания и поддержки в среде интеллигенции и крестьянстве, а противодействие ему в годы царствования Александра III оказалось результативным, поскольку организация народовольцев была полностью обезврежена². Более ясно отношение общества к террору описал П. А. Зайончковский: «...широкие круги интеллигенции, и в первую очередь молодежь, разочаровались не только в народовольчестве, но и в народничестве

¹ *Миронов Б. Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 84–85.

² *Будницкий О. В.* Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX вв.). М., 2000. С. 59.

вообще. Акт убийства царя вызвал общественную реакцию, противоположную той, которую ожидали народовольцы»¹.

Напротив, К. П. Краковский, проводя критический анализ политической юстиции России (милитаризация судов, передача политических дел из обычных судов с участием присяжных в ведение административных органов, сужение прав подсудимых, зависимость судов от администрации, военно-полевые суды, «извращенность» правосознания судей, которые превратились из «верных праву в конформистов, и пр.), не раскрывает причины такой политики правительства, масштаб угроз для власти со стороны террора и революционных сил, не упоминает о результативности деятельности правительства². Фактически тем самым автор допускает мысль о том, что в борьбе с революционными силами должны использоваться обычные средства³. Однако, по нашему мнению, в данном случае целесообразно исходить из теории исключительного положения, когда для преодоления кризисной ситуации (угроза покушения на главу государства и дестабилизации социально-политической обстановки) необходимо отступать от «либеральных» средств регулирования и обращаться к адекватным экстраординарным средствам управления. Более того, именно в тот период и вплоть до 1917 г. в России были введены и практически не отменялись соответствующие правовые режимы: усиленной охраны, чрезвычайного положения и т. д. Опыт установления чрезвычайных правовых режимов доказывает, что экстраординарные меры управления неизбежны в условиях различных кризисов социально-политического, военного или иного характера⁴.

Представляется, что близка к истине Н. И. Биюшкина, которая в революционных обществах и терроре видит непосредственную причину охранительных и исключительных мер правового регулирования: «Все эти революционные общества ставили перед собой цель свержения существующего в России строя, захвата власти путем государственного переворота, используя террористические методы. Постоянная, фактически существующая угроза покушений на жизнь императора и других государственных деятелей привела к необходимости введения чрезвычайных законодательных мер со стороны императорской власти»⁵.

Более того, как справедливо подчеркивает та же Н. И. Биюшкина, не убийство царя было поворотным пунктом правительственного курса. По сути дела, черты охранительной политики легко обнаружить еще в 1870-х гг., после возрастания социальной напряженности, покушений на императора и роста террористической угрозы. Так, охранительными можно назвать ряд мероприятий, проведенных Александром II: ограничение стачек, борьба с революционными движениями, расширение прав полиции и пр. Охранительная политика была необходима в силу новых угроз: десять покушений на царя, восстание в Польше, выступление в Одессе, убийство около 3500 чиновников разных уровней.

Следовательно, переход к чрезвычайным мерам регулирования был неизбежен. От власти требовалось проявить не мягкость, а силу в борьбе с новыми

¹ Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М., 1970. С. 8–9.

² Краковский К. П. «Щегловитовская юстиция» в России (Министерство юстиции позднеимператорского периода по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства). М., 2014.

³ Краковский К. П. Политическая юстиция в России во второй половине XIX – начале XX в.: историко-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 19–23.

⁴ Шмидт Т. Н. Чрезвычайное правовое регулирование: общетеоретические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014.

⁵ Биюшкина Н. И. Указ. соч. С. 65.

ми вызовами. Так, причину отказа от введения представительного учреждения в Российской империи нужно видеть не просто в консерватизме Александра III и его сподвижников, а в том, что создание такого органа было нецелесообразно в сложившейся ситуации, когда требовались восстановление порядка, дисциплины и наказание виновных. Роль К. П. Победоносцева в противодействии попыткам введения конституционной монархии в России верно характеризует В. А. Томсинов: «Ему удалось убедить Александра III выступить решительно в защиту самодержавия и против каких-либо попыток ограничения верховной государственной власти. При этом Константин Петрович подчеркивал, что выступает против привлечения представителей общества к участию в законодательной деятельности не потому, что является противником каких-либо перемен в государственном строе, но оттого, что ясно сознает несвоевременность их в сложившейся в России политической обстановке. Победоносцев внушал своему венценосному ученику, что не о новых учреждениях необходимо думать в условиях социальной нестабильности, но о восстановлении государственного порядка, утверждении законности, об успокоении взволнованного общественного сознания»¹.

В связи со сказанным полагаем, что идея и практика консервативной стабилизации нуждаются в исторической реабилитации и переоценке. Успехи в деле стабилизации жизни и водворения порядка, а также эволюционного развития нужно учитывать в условиях новых волн модернизации. При этом консервативная стабилизация требует активизации роли государства в нейтрализации разрушительных сил и тенденций. Минимизация государственного вмешательства, либерализация курса приводят к потере обществом управляемости и угрожают дестабилизацией и анархией.

Следует признать, что в период властвования Николая II в целом консервативные средства управления обществом оказались недостаточными и не смогли предотвратить кризис сознания и гибель самодержавного государства. Курс правительства последнего российского императора был очевидно непоследователен, характеризовался переходом от консервативной тактики к либеральной. Так, до 1905 г. заметна приверженность курсу Александра III, но при этом назревшие проблемы (аграрный кризис, проникновение капитализма в крестьянскую среду, бюрократизация власти и др.) не получали разрешения, как ранее. Зачастую консервативная стабилизация сводилась к элементарной реакции и консервации, а не к разумному сочетанию консерватизма и модернизирующей роли государства.

После 1905 г. и перехода к дуалистической монархии правительство, казалось бы, пошло по пути либерализации, но на деле все более «правело». К сожалению, с большей частью проблем, требующих решения, власть не смогла справиться: неэффективно велась борьба с терроризмом (от актов террора погибло только чиновников около 17 тыс.), аграрный вопрос был решен П. А. Столыпиным лишь отчасти и с катастрофическими последствиями. Главное же – самодержавие не выдержало идеологического противостояния и не смогло сохранить самодержавные архетипы в национальном менталитете. Как верно отмечает Б. Н. Миронов, самодержавная власть фактически пала жертвой «пиар-технологий»: интеллигенция смогла убедить общество в необходимости ликвидации монархии и зависела уровень притязаний населения страны.

¹ Томсинов В. А. Конституционный вопрос в России в 60-х – начале 80-х годов XIX в. М., 2013. С. 196.

Однако нельзя не признать, что Николай II придерживался курса консервативной стабилизации. По крайней мере, уровень благосостояния населения в тот период очевидно повышался, рабочий класс получил серьезную поддержку власти. В целом армия показала свою способность противостоять врагу в Первой мировой войне, тем более что император готовил наступление на западном фронте весной 1917 г. Во многом причину провала политики монарха можно видеть именно в том, что он потерял контроль за общественным мнением и не смог повлиять на его радикализацию и консервативную настроенность. Известно, что тот же Л. А. Тихомиров с сочувствием встретил революцию, разочаровавшись в правительственном курсе. Примечательно, что Н. И. Биюшкина отрицает охранительность курса Николая II.

Вероятно, выбранная Александром III стратегия развития России позволила фактически отсрочить революцию. Правильное и национально взвешенное продолжение такого курса стабилизации и нейтрализации негативных факторов вкупе со своевременными реформами позволили бы избежать катастрофы 1917 г. Причем развал России в тот год показал, насколько все-таки для страны были необходимы самодержавная власть и консервативный путь развития, предотвращавший анархию и гражданскую войну. Самодержавию не удалось сохранить авторитет и остаться центральным институтом модернизации российского общества. Последующий же советский период показал, что именно государство в России и есть основная преобразующая сила. Советская власть была вынуждена проводить модернизацию страны (индустриализацию и коллективизацию) и при этом обеспечивать стабилизацию социально-политической и экономической ситуации.

Не случайно в консервативных и придворных кругах в конце XIX – начале XX в. были распространены идеи установления диктатуры, которая при введении исключительного правового положения позволила бы прекратить смуту, беспорядки, справиться с терроризмом и провести необходимые консервативные преобразования. Чаще всего среди претендентов на роль диктатора называли П. А. Столыпина, но его убийство и личные амбиции царя помешали этим планам воплотиться. Пожалуй, наиболее ярким проектом введения в стране диктатуры была фантастическая утопия неославянофила С. Ф. Шарапова, описавшего все те преимущества, которые получит Россия при назначении главой государства национально мыслящего диктатора. Симптоматично, что И. А. Ильин, предсказывая крах СССР и последующую анархию, предрекал также приход к власти национального диктатора, который введет государственную дисциплину, обеспечит правопорядок, устранил дестабилизирующие факторы и подготовит условия для перехода к творческой демократии и национальной государственности с высоким уровнем правосознания общества.

На наш взгляд, причинами крушения самодержавия стали разобщенность, дезорганизация и падение авторитета правых, консервативных, сил в русском обществе. Самодержавие потеряло серьезную опору в представителях бюрократии и консервативной части общества. Так, черносотенные организации и движения, хотя и предрекали революцию, не смогли сплотиться и противодействовать террору и революционным силам. Попытки создания боевых дружин практически не увенчались успехом. Отчасти общество отталкивали антисемитизм монархических организаций и постоянные внутренние политические склоки в рядах правых. В отсутствие сколько-нибудь сильной и мощной организации сторонников и единомышленников самодержавная власть фактически осталась один на один с либералами и революционерами.

В концепции консервативной стабилизации серьезное значение имеет апелляция к старине, традиции.

Во-первых, для консерватизма наличное бытие как итог преемственного развития государства и права предпочтительнее абстрактных и утопичных проектов будущего устройства. Консерватизм не желает рисковать имеющимся ради приобретения чего-то нового, но при этом опасного с точки зрения негативного влияния на прошлое и настоящее.

Во-вторых, консерватизм в традиции видит мощный инструмент стабилизации и регулирования поведения в обществе. Традиция в отличие от модернизации и реформ носит внеличностный характер и существует в виде обычаев, ритуалов, ценностей, архетипов, которые не меняются в течение длительного времени. Опора на традицию гарантирует эволюционное, без рывков и скачков развитие. Поэтому вполне объяснимы отрицание консерваторами излишней нормативной регуляции общественных отношений, которые и так упорядочиваются с помощью неформальных регуляторов, их стремление использовать традиционные механизмы разрешения конфликтов, исправления правонарушителей, опираться в правовом воспитании и юридическом образовании на традиционные представления о праве, законе, суде и справедливости.

Приверженцы консервативной правовой концепции, признавая стабилизирующее и охранительное значение юридического регулятора, скептически относятся к идеализации регулятивных возможностей права в обеспечении социального порядка и организованности. Они предрекают опасность установления в общественной жизни господства закона и критикуют правовой идеализм как переоценку реальных возможностей правового регулирования.

Попытка подмены неформальных регуляторов (религии, нравственности, традиций) диктатом закона воспринимается консерваторами как отрицание традиционных основ российского правосознания, что нередко ведет к отрицанию ценности права. Р. В. Насыров точно указал, что своеобразие российской правовой культуры состоит «не в наличии некоего уникального симбиоза закона, справедливости и нравственности, а в том, что в отличие от современной западноевропейской правовой культуры с ее значительной юридизацией общественной жизни, в России сфера проявления позитивного права не может быть столь тотальной и определяющей не только форму, но и содержание общественных отношений. Проявления позитивного права должны соответствовать менталитету и условиям существования российского общества. Но это не означает, что сама суть российского позитивного права как формального регулятора должна быть уникальной»¹.

В дореволюционной России, как уже отмечалось, в целом наблюдались социальный порядок и низкий уровень преступности, обусловленные не столько эффективностью закона и деятельностью полиции, сколько высоким уровнем нравственного развития и господством традиционных ценностей, а также характером политики верховной власти, усиливающей или ослабляющей социальный контроль. Данные тенденции были характерны и для России советского периода, когда на смену росту преступности в 1920-е гг. в силу политико-экономических и идеологических причин пришел период стабилизации и снижения преступности, когда советское общество поставило задачу формирования новой нравственной и культурной личности.

Совершенно иначе складывается ситуация в постсоветской России, когда опора на один закон, отсутствие должной системы воспитания в условиях духовного

¹ Насыров Р. В. Человек как самоценность. М., 2011. С. 157–158.

кризиса обернулись катастрофическим ростом преступности и полуанархическим состоянием российского общества. Очевидно, что непропорциональное поведение обусловлено не низким качеством закона и недостаточным полицейским контролем, а нравственной и духовной девальвацией традиционных ценностей и потерей образа идеальной личности, получившей соответствующее воспитание, включая правовое.

Охранители предложили альтернативу слабой государственной системе юридического регулирования поведения людей, в первую очередь перевоспитания преступивших закон собственной совести. Во главу угла они ставят христианскую идею всепрощения, сострадания и братской любви. И. А. Ильин цель государственного наказания видел в воспитании здорового высоконравственного правосознания правонарушителя. Если же правонарушитель раскаялся и принял правовой идеал, то и государственное наказание теряет для него всякий смысл и работает вхолостую. И. А. Ильин писал: «Уголовное наказание имеет и только и может иметь одно единое назначение: принудительное воспитание правосознания. Присудить человека к наказанию – значит признать, что его правосознание находится в данный момент в таком состоянии, что для него необходимо подвергнуть его обязательному, публично организованному возвращению и укреплению; это значит признать, что он не может быть предоставлен без дальнейших мероприятий обычной нормальной жизни, свойственной человеку как самоуправляющемуся духовному центру; это значит признать, что за период времени между преступлением и судом он не сумел самостоятельно познать неправоту самовоспитания»¹.

Очевидно, что опыт и теоретический потенциал, накопленные при реализации политики консервативной стабилизации, могут быть использованы и сегодня, когда нестабильная модернизация России и кризисные процессы во всех сферах жизни вновь требуют взвешенной и национально ориентированной политики в интересах сохранения российской цивилизации. Безусловно, нельзя не видеть и другую крайность, которую обнаруживает охранительство, – консервация существующих порядков и отказ от назревших политических решений. Такой подход, в основном связанный со стремлением бюрократии сохранить власть и прежние порядки в своих узких интересах, ведет к губительным последствиям для государства: утрате доверия, дерегуляции, аномии и потере власти. Современный курс политического развития России сочетает и модернизацию, и чрезмерную консервацию отрицательных сторон экономической и политико-правовой жизни общества. Необходима «золотая середина» – умеренный и прагматичный консерватизм, а не радикализм или «охранительство» власти как таковой.

Список литературы

Биошкина Н. И. Политико-правовое развитие Российского государства в условиях охранительного внутривластного курса (1870–1890-е гг.). М., 2015.

Боханов А. Н. Император Александр III. М., 2009.

Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX вв.). М., 2000.

Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М., 1970.

Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. М., 1994. Т. 4.

Кодан С. В. Юридическая политика Российского государства в 1800–1850-е гг.: деятели, идеи, институты. Екатеринбург, 2005.

---

¹ *Ильин И. А.* Собр. соч.: в 10 т. М., 1994. Т. 4. С. 227.

Краковский К. П. «Щегловитовская юстиция» в России (Министерство юстиции поздней императорской эпохи по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства). М., 2014.

Краковский К. П. Политическая юстиция в России во второй половине XIX – начале XX в.: историко-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013.

Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX в. Воронеж, 2011.

Мионов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб., 1999. Т. 2.

Насыров Р. В. Человек как самоценность. М., 2011.

Томсинов В. А. Конституционный вопрос в России в 60-х – начале 80-х годов XIX в. М., 2013.

Шмидт Т. Н. Чрезвычайное правовое регулирование: общетеоретические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014.

ЭТО ИНТЕРЕСНО

Мстительный француз запретил банкирам посещать свой ресторан

<http://lenta.ru/news/2016/02/17/revenge>

В городе Рюэй-Мальмезон к западу от Парижа владелец местного ресторана «Les Ecuries de Richelieu» Александр Калле запретил работникам банков посещать свое заведение из-за того, что учреждения отказывали ему в ссуде. Об этом сообщает «The Local».

Бизнесмен многократно пытался получить у разных банков 70 тыс. евро на открытие второго заведения. После очередного отказа Калле повесил на входе ресторана табличку с надписью: «Добро пожаловать собакам, банкирам вход запрещен (если они не оплатят вход в размере 70 тыс. евро)». По его словам, он верит в «принцип равного возмездия» и должен ответить ударом на удар.

Калле отметил, что ресторан «Les Ecuries de Richelieu» занесен в Красный гид Мишлен и пользуется популярностью среди местных сотрудников банков. Мужчина собирается отказывать в обслуживании любому финансисту, которого узнает в лицо.